ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ЯЗЫКА?

Е. Зейферт в своей книге «Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв» (Lage (Westf.) 2009) присоединяется к мнению Г. Бельгера и К. Эрлиха, которые считают, что „служить национальной литературе можно и не на национальном языке». Служить можно. Согласен. И в какой-то степени Е. Зейферт доказала это, называя в своей книге десятки неизвестных или малоизвестных немецких имен поэтов и прозаиков, из которых многие, если не большинство, на немецком языке ни строчки не написали. Но Зейферт обратила на них внимание, охарактеризовала, пусть кратко, их творчество. В этом ее заслуга. Но стали ли они от этого писателями российских немцев? Можно ли их отнести к нашей литературе?

Взгляды других литературоведов и критиков, занимающихся литературой российских немцев, позволяют сделать вывод, что большинство из них, классифицируя литературные произведения, выдвигают на передний план все-таки язык. Так, И. Варкентин утверждает, что литературы без языка не бывает, а проф. А. Энгель-Брауншмидт подчеркивает, что в литературу может войти «только тот, кто знает язык». В связи с анализом рассказа «Немецкая история» Б. Пильняка (Bogay) она добавляет: «Тематика не делает текст составной частью литературы российских немцев» (Die Thematik verwandelt den Text nicht in einen Bestandteil russlanddeutscher Literatur). При этом я позволю себе заметить, что трудно представить себе литературное произведение, которое тематически было бы более «немецким» чем названный рассказ Б. Пильняка.

Таким образом, приходится согласиться с тем, что при верификации литературного произведения или творчества основополагающим признаком является язык. И. Варкентин выразил это следующим образом: «ein unfehlbares Kennzeichen der nationalen Zugehörigkeit eines Werkes oder Schaffens bleibt die Sprache». О российских немцах и об их литературе можно, конечно, писать на любом языке. Хоть по-китайски. Но относиться к названной литературе может только тот, кто пишет на ее языке. При этом «насильно» тащить в литературу российских немцев авторов типа И. Гергенредера, Е. Кайба, А. Шмидта и др., которые сами считают себя русскими литераторами, вряд ли целесообразно.

С другой стороны, немецкий текст, в котором отсутствует соответствующая тематика, не может быть причислен к литературе российских немцев, ибо названная тематика является наряду с языком важнейшим критерием при «верификации» немецкоязычных авторов в России. Так, если бы приволжский меннонит Ганс Гардер написал лишь роман «Der deutsche Doktor von Moskau», его вряд ли можно было бы отнести к литературе немцев Поволжья. Но он обращается к их тематике не только в романе «Das Dorf von der Wolga» и «Die Leiden des Adam Kling», но и в романе «Klim», хотя в последнем на передний план выдвигается крестьянская жизнь в русской деревне. Поясним это на примере, ср.:

„Am Nebentisch saß ein deutscher Kolonist, der durch das offene Fenster ein unverständliches Gespräch – offenbar in seiner Sprache – mit seinem Landsmann führte, der seinen Stand mit Würsten aller Art direkt unter der Kneipe aufgebaut hatte. Die Dorfkinder umstanden ihn und spotteten:

Deutscher, Pfeffer, Würstehans,
kauft ein Pferd sich ohne Schwanz.
Fuhr so auf die Freite…

Aber der ‚Würstehans' hörte es nicht, sondern steckte gleichmütig seine Hände hinter die blaue Schürze oder wog einem Käufer bedächtig seine Wurst aus und blieb dabei in der Unterhaltung mit dem Landsmann im Teehaus.

В жизни любой этнической общности всегда имеются нюансы и тонкости, которые авторы, не принадлежащие к данному этносу, описать правдоподобно просто не могут.

Если же они все-таки обращаются к чуждой им тематике, то это очень часто становится причиной диссонанса, фальши. Недаром немцы говорят: «Der Teufel steckt im Detail» (дьявол кроется в детали). Так, венгр Б. Иллес, эмигрировавший в 1925 г. в Россию, написал рассказ «Eine Erzählung aus dem Leben der Wolgadeutschen» (Рассказ из жизни немцев Поволжья), который он назвал «Stepans Teppich» (Ковер Степана). Приведем из этого рассказа лишь два предложения, ср.:

Eine Schenke gab es im Dorf nicht, denn diese war von den Bolschewiki geschlossen worden. Die Dorfarmen besprachen auf der Straße die Ereignisse /.../

Если бы автор вырос в среде немцев Поволжья, он бы этого не написал: Schenke, т. е. трактир, кабак, было, пожалуй, единственным, что большевики не могли «закрыть». В немецких сёлах Поволжья их практически не было. А «события» общественной жизни колонисты обсуждали в правлении общины или колонии (im Kolonieamt), а не на улице.

Коммунистически настроенной эмигранткой была и Б. Ласк, безоговорочно и фанатически поддерживавшая «красный террор» большевиков и повятившая себя служению их иделогии. В рассказе «Die schwarze Fahne von Kolbenau» она восхваляет коллективизацию и большевистские конфискации, которые стали главной причиной голодной смерти сотен тысяч немцев Поволжья. Если бы Б. Ласк все это испытала на собственной шкуре, она бы определенно изобразила большевистское насилие иначе.

Незнаниее народного быта и в наше время зачастую приводит к трагикомическим ситуациям. Так, Е. Зейферт в вышеназванной книге обращается к поэме Я. Гуммеля (J. Hummel) «Dr Schwob im Oschta», т. е. «Шваб на Востоке» и переводит ее название как «Доктор Швоб в Оште» (!). Кроме того, она утверждает, что названная поэма написана «на так называемом Wolgadeutsch», к которому шваб из Закавказья Я. Гуммель никакого отношения не имеет, ср.:

Отдельные российско-немецкие поэмы написаны на так называемом Wolgadeutsch. Например, созданная на немецком диалекте поэма Я. Гуммеля «Доктор Швоб в Оште». (См. стр. 191 в указанной книге).

К сожалению, это не единственный пример подобного рода из данной книги[1], поэтому, на мой взгляд, следует также отметить, что рецензировали её профессора О.А. Клинг, Т.С. Иларионова и В.В. Бадиков.

Кроме того, я считаю, что очень важным, а иногда и решающим фактором, определяющим творчество автора, наряду с уже названными критериями является его происхождение и осознание им принадлежности к данному народу или этнической общности. Немцы называют это *Bekenntnis.*

Таким образом, из вышесказанного следует, что к литературе российских немцев относятся произведения, поэтов и писателей, которые:

- пишут на немецком литературном языке или на одном из его диалектов;
- родились или длительное время находились в одном из регионов традиционного компактного проживания российских немцев (например, в Поволжье, на Украине, в Закавказье) и считают себя российскими немцами (Bekenntnis);
- тематизируют проблематику российских немцев, т. е. события из прошлого и настоящего их этноса.

Роберт Корн,
Вормс

[1] *Констатируя незнание г-жей Е. Зейферт немецкой диалектологии и нашего народного быта, автор ни в коем случае не ставит под сомнение ее квалификацию в качестве литературоведа.*